

Николай Лесков

Случай у Спаса в Наливках

Николай Семёнович Лесков

Случай у Спаса в Наливках

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175413

Аннотация

«В Москве, в церкви Всемилоственного Спаса, что в Наливках, в 1727 году, было два священника и дьякон. Один из священников, отец Гавриил (Григорьев), был «действительный поп», т. е. настоящий священник здешнего прихода, а другой – отец Кирилл (Федоров) «не действительный», а «приукаженный поп, по эпитрахильному указу», то есть это был безместный и приставленный к церкви Всемилоственного Спаса в помощь «действительному» священнику, отцу Гавриилу...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Лесков

Случай у Спаса в Наливках

Московское

происшествие 1727 г

Рассказано по

официальным источникам

*Вчера печаль, рыдание и скорбь всех чад церкви
Божией; то же и сегодня; да и долго еще будет так.
О, если бы мне не возвращаться на прежнее!
Евстафий, митроп. солунский (XII в.)*

Глава первая

В Москве, в церкви Всемилоственного Спаса, что в Наливках, в 1727 году, было два священника и дьякон. Один из священников, отец Гавриил (Григорьев), был «действительный поп», т. е. настоящий священник здешнего прихода, а другой – отец Кирилл (Федоров) «не действительный», а «приукаженный поп, по эпитрахильному указу», то есть это был безместный и приставленный к церкви Всемилоственно-

го Спаса в помощь «действительному» священнику, отцу Гавриилу. «Приукажен» поп Кирилл был на срок, а именно «на один год», но прирос тут как-то плотно и служил уже несколько лет, как поп, «приходским людям гожий».

Лады у священников были – как это часто бывает – не особенно хорошие: Кирилл завел против Гаврилы «приказную ссору». В наших православных «двуштатах», как известно, есть достаточно таких «междусобных обстоятельств», которые делают нелады между левитами совершенно понятными.

Что за человек был отец Гавриил, этого по делу не видно, но отец Кирилл был из тех, с которыми трудно «учредить церковь Божию». Во-первых, он запивал и в подпитии был шаловлив и дерзок; во-вторых, у него были особенные слабости, совершенно неудобные лицу, предстоящему престолу божию.

Склонность к пьянству и ребячливые во время подпития поступки отец Кирилл обнаружил вскоре же по прибытии к церкви Спаса на Наливках, но из проделок его за двери храма долго ничего не выходило, а из этого, кажется, непременно следует заключить, что товарищ отца Кирилла, «действительный поп» Гавриил, был человек снисходительный и неядливый.

Однако, как кувшин, ходя по воду, оканчивает тем, что ломает себе голову, так и шаловливому отцу Кирилле положен был предел, дальше которого не могли идти без наказания его неиерейские дела, и случилось с ним следующее.

В воскресенье, 9 июля 1727 года, рано утром отец Кирилл служил утренню. Очевидно: он начинал свою очередную седмицу и пьян не был. «Действительный поп», отец Гавриил, тоже находился тут, но не служил. На клиросах стояли певцы, на правом лучшие, а на левом худшие, и в числе их появился «в палиелей» один, может быть, из почетных местных прихожан «розыскных раскольницких дел канцелярист Перфилий Протопопов».

С этим-то лицом у отца Кириллы и завелась история, которая интересно изложена самим Перфилием в «доношении», поданном через четыре дня после происшествия в московскую духовную дикастерию.

По условиям печати мы исключим из этой характерной жалобы повторения и неудобные слова, употребленные доносителем о неудобной в церковнослужении слабости отца Кирилла. Далее дело является в следующем виде.

Глава вторая

«Июля 9-го дня, в воскресенье, по должности христианской (пишет Перфилий) случился я быть в приходской своей Всемиловнейшего Спаса, что в Наливках, церкви у утренни и для пения церковного становился всегда на правом клиросе, и во время той утренни во палиелей, тоя церкви служащий, определенный за штатом недействительный священник Кирилл Федоров кадил всю церковь и народ по обычаю. По каждени же он, поп, паки взошел на правый клирос и кадил мне (Перфилию) вторично – особицно других».

По обыкновению, в таких случаях «особицно» оказываемый должен был положить в руку кадящего священника какую-нибудь монету, и канцелярист Перфилий, разумеется, этот порядок знал, но имел какую-то фантазию его не исполнить: взял да ничего отцу Кириллу и не дал. Священник принял это за грубость – осердился и начал на Перфилья «не однажды намахиваться кадиллом, яко бы жартуя (т. е. как будто шутя), но собственно со прошением себе подаяния от денег, как обычай о том приходских церквей собирать священницы имут». «Намахиваться» на тех, кто не дает ничего за оказание, – тоже было в обычае, и при этом иногда неблагодарного прихожанина ударяли кадиллом, а иногда только осыпали его горящими угольями. «Углие горящее собираша на голову его».

Чтобы избавиться от такой экзекуции, надо было скорее «дать попу на кадило», но Перфилий говорил, будто «тогда что дать ему (Кириллу) не случилось». Отец Кирилл так ни с чем и отошел, но не простил Перфилию его скупости, а когда «в приспевшее время (для пения) начал он (Перфилий) с прочими на правом клиросе петь антифоны, – потом пели и на левом, – и как они начали паки петь стихи по уставу», то отец Кирилл стал придиратся и колобродить. «Тогда оный поп, выступя из алтаря, в священном одеянии, и кричал той же церкви пономарю Ивану Федорову, чтобы он антифонов не пел и правого клироса не слушал, а читал бы говорком, по-скору».

Делалось все это с тем, чтобы дать Перфилию почувствовать, что если он отца Кириллу за особищное оказание ничем отблагодарить не нашел, то и распевание его на правом клиросе совсем не нужно. А чтобы он, Перфилий, еще яснее это понял, отец Кирилл «при тех словах» кричал всенародно о нем необычайно и бесчинно так:

– Что вы смотрите, что Перфилий поет антифоны! Он, де, пришел в церковь, напився котельного пива, да и распевает, а на каждение денег попу не дал. Так делают только плуты и бездельники.

Такою неуместною выходкою отец Кирилл, по мнению Перфилия, «учинил в церкви Божией мятеж и посмеяние всенародное и последованию церковному во всем остановку и пресечение».

Чтобы не дошло до большего соблазна, в дело вмешался «тоя ж церкви действительный священник Гавриил Григорьев и приходские люди, чтобы он, поп, мятежа в церкви не чинил, но он не преставал». Антифонов допеть не дал, да еще заставлял распевшегося Перфилия читать прокимны, но это увидал пономарь, который взял и «проговорил говорком» прокимны на левом клиросе. «А антифоны за мятежем и несогласием оставили не допевши».

Тут поп Кирилл, видя, что скандал выходит не велик и не сочен, посягнул на большее и достиг цели.

«Как приспе время предо чтением святого Евангелия священнику, обратясь на люди, преподать мир, и он, поп Кирилл, обратясь из царских врат на народ, бесчинно закричал: – Мир всем, кроме Перфилия проклятого и раскольника».

Глава третья

Обиженный канцелярист Перфилий не захотел простить этого попу Кириллу и собрал о нем еще некоторые другие сведения от дьякона Петра Стефанова да от сторожа Михаила Иванова. Тут он узнал, что все проделанное отцом Кириллом над ним, Перфилием, ничтожно в сравнении с тем, что приходилось от этого священника испытывать упомянутым дьякону и сторожу.

С ними отцом Кириллом учинено было следующее:

«Еще в 724 году, в июне месяце, во время вечернего пения, отец Кирилл, напився пьян, в святом алтаре и во священном одеянии садился на дьякона Петра и ездил на нем около престола, яко обычно детям играть чехардою.

Усмотря таковое попа Кириллы бесчинство, сторож Михайло дьякона Петра из-под насевшего попа вызволил», и оба они, – как дьякон, так и сторож, – «предъявили о том приходским людям».

Приход этою чехардою как будто не соблазнился и не обиделся.

Год спустя отец Кирилл устроил еще более смелый «мятеж», но в ином роде.

«725 года, мая, против 20-го числа, он, поп Кирилл, напився пьян, во вечернее пение», обнажился в алтаре негоже, и находясь «во священном облачении», сделал здесь – так

скажем – детскую слабость... В донесении это названо Перфилием по-простонародному, как в печати повторено быть не может.

Сторож и об этом «поповском мятеже» «извещал приходским людям», но и это извещение для отца Кириллы осталось снова без всяких неприятных последствий.

Обиженный канцелярист Перфилий, видя, что попа приходом не изнять, взялся за него на другой манер: он на народ, т. е. на приходских людей, не стал располагаться, а списал все, что мы теперь передали, и отрепортовал московской духовной дикастерии под видом опасливости, «чтобы ему, Перфилию, за необъявление оногo мятежа и бесчиния чего не причлось».

Перфилий будто и не хотел бы доносить, но боязнь его к тому понудила. А чтобы зачинаемое против отца Кирилла дело было на суде лепко и крепко, канцелярист Перфилий прописал и не малый облак свидетелей. «Видели, говорит, и слышали весь оный мятеж священник Гавриил Григорьев, дьякон Петр Степанов, жилец его Шелковник, пономарь Федоров, сторож Михаил Иванов, да купецких людей по именам 11 человек, да подьячий 1, да других довольное число».

То есть, значит, выставил во свидетели полну церковь людей, с попом, дьяконом и дьяками.

В дикастерии поставленное таким образом дело уже не могло остаться без последствий и получило законный ход по судебным обычаям тогдашнего времени, от которых, впро-

чем, по духовной юрисдикции, существенно не разнятся еще и нынешние.

Глава четвертая

Призвали попа Кириллу Федорова в дикастерию, – только не скоро. Девятого июля он делал «мятеж», 12-го, того же июля, Перфилий уже очистил себя, «дабы чего не прилучилось», и подал донос, а попа позвали к допросу только 21-го декабря 1727 года, т. е. перед самыми Рождественскими праздниками.

Поп Кирилл стал на допрос во всей неодоленной силе и типической красоте русского ответчика XVIII века. Что касается до дела и до обвинения, на него принесенного, – того-де не было и он, поп, про то знать не знает и ведать не ведает; а что касается до свидетелей, то со всеми теми из них, кои ему «не гожи», он, Кирилл, озаботился завести «приказную ссору», – значит, сделал показания их пристрастными и лишенными достоверности.

Время к тому, чтобы позавесть ссоры (с 1-го июля по конец декабря), как видим, было дано достаточное. Поп этим и воспользовался.

Выписывать всех ответов отца Кирилла нет надобности, потому что они представляют одно наглое и сплошное отрицание всего, в чем опасливый Перфилий обвинял попа со ссылкой на свидетелей. Одно только поп косвенно признал – это то, что обойдя церковь с каждением, он на обратном следовании в алтарь зашел на правый клирос (где уже

прежде кадил другим сладкопевцам) и тут покадил в особливую статью Перфилию, но «только однажды». И это каждение он, Кирилл, сделал потому, что когда он прежде оказал общим каждением всех поющих на клиросе, то Перфилия тут не было, а после он подошел и стал. Отец Кирилл сейчас и исполнил свое дело – покадил ему. «Намахиваться» же на него кадилком он не намахивался, и питьем котельного пива его не урекал, и «мирствуя народы» из того общего благословения Перфилия не исключал, и подлецом его не называл, да и «подавания» за каждение себе вовсе не желал и не просил. «Обычно есть» это прочим попам в Москве, но он, отец Кирилл, не такой, – он совсем не то, что те, иже «на каждение собирают».

Словом, выходило, что Перфилий кругом оболгал и оклеветал попа Кирилла и, вдобавок, сделал это ни за что ни про что, или еще хуже – в благодарность за то, что он, Кирилл, ему покадил. Что же касается до выставленных Перфилием свидетелей, то они в очень большой доле не могут против отца Кириллы свидетельствовать, потому что он «имеет с ними приказную ссору».

Таким приемом он отстранил в числе прочих и попа Гавриила, который, как ниже увидим, очень долго его терпел и не выживал от себя, когда все права Кирилла на священнодействия у Спаса в Наливках давно уже кончились. Устранил он пономаря Ивана Федорова и еще несколько человек из прихожан, но зато сослался на некоторых иных людей, и в

том числе на дьякона Петра, на котором он, по словам Перфилия, будто бы ездил чехардою. Этого он отвести не мог.

Надо думать, что дьякон был человек смирный, на котором буквально «ездить можно», а «приказной ссоры» завести нельзя.

Все дело дальше показывает, что это один из тех праведников, которые даже и обид своих доброй половины не помнят.

Глава пятая

Позвали в дикастерию дьякона Петра в числе других свидетелей «порознь» и стали его допрашивать «по евангельской заповеди Господней – ей-ей». А было это допрашивание, надо полагать, уже после отбывшихся Рождественских праздников, потому что показание отца дьякона начинается словами: «в прошлом 727 году». Стало быть, это происходит по меньшей мере после «крещенской воды» 1728 года. В течение святок весь этот благочестивый причет вместе с Кириллом служил, молился, разгавливался и Христа славил по приходу, «со звездою путешествуя».

Во всех этих промедлениях и молитвенных сношениях, конечно, встречались обстоятельства, которые многое смягчили и сгладили, да и кроме того дали виновному иные средства к умилоствлению сердец, но, однако, несмотря на все это, добрый и малообидчивый дьякон Петр, на которого «слался Кирилл», произнеся евангельское «ей-ей», показал, что сказание о чехарде верно. Дело было, по его словам, так, что «когда он, дьякон, во время вечернего пения, по обыкновению перед выходом (на амвон) поклонился святому престолу», то «поп Кирилл Федоров, напився пьян (т. е. будучи пьян), во всем священном одеянии, на него во святом алтаре садился, яко бы подобно детской игре чехарде». Давая это показание по долгу евангельскому, он как бы желал снять с

себя вину и даже отстранить подозрение в том, что не позволил ли он сам попу на него «садиться», когда и он тоже был в «священном одеянии», и для того тщательно пояснил, что «поп Кирилл учинил то внезапно», и с неотстранимою ловкостью, а именно: он вскочил и сел на него, дьякона, во время поклона, который тот сделал истово перед святым престолом. Дьякон осенил себя крестным знаменем и поклонился довольно низко, а предстоявшему перед алтарем отцу Кириллу эта позиция показалась очень заманчивою, и он не пропустил случая, – привскочил и сел на дьякона чехардою, – так что личной вины дьякона в этом никакой не было. Напротив, он даже оборонялся и «с себя попа Кирилла толкнул, и он, поп, упал на пол, и в то время его, попа Кирилла, поднял тотя церкви сторож Михайло Иванов», а он, дьякон, «о таком его, попа Кирилла, бесчинстве, объявлял приходским людям. Но около престола он, поп Кирилл, на нем, дьяконе, не ездил».

Значит, против доноса Перфилия только две отмены: 1) поп упал с дьякона, потому что дьякон его сам сбросил, а не сторож его «вызволил», и 2) скачка чехардою в алтаре хотя и была, но езды верхом на дьяконе «вокруг престола» не было, потому что дьякон Петр отца Кирилла с себя скинул на пол.

Донос Перфилия в главной его сущности подтверждался, и только в частности эти церковные события немножко варьировались. По делу видно, что дикастерия, вероятно, точно исполняла свое намерение допрашивать свидетелей «по-

рознь».

Глава шестая

Спрошенный после дьякона сторож Михайло Иванов показал, что «поп Кирилл напился пьян, во время вечернего пения во святом алтаре во священном одеянии на дьякона Петра чехардою садился, и то он, Михайло, видел, а как дьякон попа столкнул и поп упал на пол, в то время Михайла попа поднял, и о его, Попове, бесчинстве и дьякон Петр и сторож Михайло приходским людям извещали. Около же алтаря поп Кирилл на дьяконе не ездил», но зато «в 725 году, мая, против 20-го числа», бес попутал отца Кириллу другим искушением, о котором сторож Михайла открылся дикастерии в таких словах, которых в подлинности переписать из его показания, по условиям печати, невозможно, и приходится только слегка и намеками обозначить – в чем состояла главная суть этого нового события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.